

УДК 1(091)

DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-2-12

ПРОЯВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ УСТАНОВОК В АНТРОПОЛОГИИ МАРКА АВРЕЛИЯ

О. В. Парилов^{1,2}

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

²*Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию антропологических установок Марка Аврелия, сформированных в результате взаимного влияния римского стоицизма и раннего христианства. Цель данной работы – провести компаративный анализ позднестоической и христианской аксиологии, этики и продемонстрировать их актуальность в современную эпоху постмодернистской ценностной дезориентации.

Материалы и методы. Материалом исследования являются сочинения Марка Аврелия, новозаветные канонические Послания, труды христианских апологетов первых веков, а также работы современных отечественных и зарубежных авторов, посвященные духовной ситуации в Римской империи в правление Марка Аврелия, нравственным основам римского стоицизма; антропологическим, этическим идеям античного философа, связанным с христианской мыслью; взглядам раннехристианских авторов на мировоззрение императора и на римский стоицизм. Автор опирался на цивилизационный и диалектический подходы, использовал методы: герменевтический, аналитический, синтеза, обобщения, реконструкции философских воззрений, сравнительно-исторический.

Результаты исследования. В результате проделанной работы было установлено, что христианские по сути антропологические, аксиологические идеи Марка Аврелия (сущность человека, его путь в истории и посмертная судьба, этические константы) сформировались в результате двустороннего влияния: стоицизма на становление христианской доктрины в I–II веках, христианства – на мировоззрение мыслителя. Являясь гонителем христиан, философ на троне неосознанно воплощал те цели, которые преследовала молодая религия.

Обсуждение и заключения. Автору удалось осуществить сравнительный анализ антропологии, этики и аксиологии Марка Аврелия и раннего христианства. Исследование убедительно показало, что принятая в философской науке демаркация между древней языческой античностью и средневековым христианством условна. Условный характер носит и хронологическое определение данных исторических периодов. Подтверждением этому взаимопроникновению эпох служит огромное влияние римского стоицизма на формирование христианской апологетики, а также конгениальные христианству антропологические, этико-аксиологические установки римского стоика Марка Аврелия.

Ключевые слова: философия Марка Аврелия, антропология, аксиология, христианство, стоицизм

Для цитирования: Парилов О. В. Проявление христианских установок в антропологии Марка Аврелия // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-2-12.

THE MANIFESTATION OF CHRISTIAN ATTITUDES IN THE ANTHROPOLOGY OF MARCUS AURELIUS

O. V. Parilov^{1,2}

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The article is devoted to the study of the anthropological attitudes of Marcus Aurelius, formed as a result of the mutual influence of Roman Stoicism and early Christianity. The purpose of this work is to conduct a comparative analysis of the late Stoic and Christian axiology, ethics and demonstrate their relevance in the modern era of postmodernist value disorientation.

Materials and Methods. The material of the study is the writings of Marcus Aurelius, the New Testament canonical epistles, the works of Christian apologists of the first centuries, as well as the works of contemporary domestic and foreign authors devoted to the spiritual situation in the Roman Empire during the reign of Marcus Aurelius, the moral foundations of Roman stoicism; anthropological, ethical ideas of the ancient philosopher associated with Christian thought; the views of early Christian authors on the worldview of the emperor and Roman stoicism. The author relied on civilizational and dialectical approaches, used methods: hermeneutic, analytical, synthesis, generalization, reconstruction of philosophical views, comparative historical.

Results. As a result of the work done, it was found that the essentially Christian anthropological, axiological ideas of Marcus Aurelius (the essence of man, his path in history and posthumous fate, ethical constants) were formed as a result of a bilateral influence: stoicism on the formation of Christian doctrine in the I-II centuries, Christianity - on the worldview of the thinker. Being a persecutor of Christians, the philosopher on the throne unconsciously embodied the goals pursued by the young religion.

Discussion and Conclusions. The author managed to carry out a comparative analysis of the anthropology, ethics and axiology of Marcus Aurelius and early Christianity. The study convincingly showed that the demarcation between ancient pagan antiquity and medieval Christianity accepted in philosophical science is conditional. The chronological definition of these historical periods is also conditional. This interpenetration of eras is confirmed by the enormous influence of Roman stoicism on the formation of Christian apologetics, as well as the anthropological, ethical and axiological attitudes of the Roman Stoic Marcus Aurelius congenial to Christianity.

Keywords: philosophy of Marcus Aurelius, anthropology, axiology, Christianity, stoicism

For citation: Parilov O. V. The manifestation of Christian attitudes in the anthropology of Marcus Aurelius // Vestnik of Minin University. 2023. Vol. 11, no. 2. P. 12. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-2-12.

Введение

Цель статьи – продемонстрировать на примере философского творчества Марка Аврелия взаимосвязь и взаимопроникновение позднеантичных и раннехристианских антропологических, этических установок. В нынешнюю эпоху секуляризации, постмодернистского размывания аутентичной человеческой природы и нравственной дезориентации христианские по сути антропология, этика и аксиология философа на троне приобретают особую актуальность и практическую значимость. Взаимосвязь антропологии Марка Аврелия и христианской мысли второго века обусловлена, с одной стороны, неосознанным восприятием императором христианских идей, с другой – колоссальным влиянием римского стоицизма на становление доктрины молодой религии. Конгениальные христианству идеи Марка Аврелия: целостность, трехчастность и причастность Божеству человеческой природы, внутренняя свобода и судьба человека, базирующиеся на принципе провиденциализма; детальное совпадение этического корпуса с аналогичным корпусом апостольских Посланий, утверждение гражданских добродетелей – суть результат плодотворного эллино-христианского симбиоза. Исследование будет способствовать более глубокому пониманию динамики античной и христианской мысли – в этом заключается теоретическая значимость работы.

Обзор литературы

В своем исследовании автор опирался как на отечественные, так и на зарубежные авторитетные работы, посвященные творчеству Марка Аврелия и связи его идей с христианской мыслью. Предметом рассмотрения стали труды, посвященные духовной ситуации в Римской империи в правление Марка Аврелия: общая историческая картина Рима II века [34], этические, эстетические и идеологические основы общества данного периода [2, 8], оценка римских императоров и их правления раннехристианскими авторами [5], значение династии Антонинов (к которой принадлежал и Марк Аврелий) в развитии Римской империи, их роль в исторической драме перехода к Средневековью [27].

Следующий блок сочинений посвящен нравственным основам римского стоицизма: динамике стоической философии в Римской империи [18], основным этическим, аксиологическим максимам поздних стоиков: Цицерона, Сенеки, Эпиктета [20].

Основное внимание уделено антропологическим, этическим идеям Марка Аврелия, коррелирующим с христианской мыслью: стоическому оптимизму императора на троне [3], мировоззрению философа в контексте перехода к христианскому Средневековью [22], влиянию Востока и, в частности, христианства на философское становление мыслителя [19], рассмотрению Марка Аврелия как «царя философов» [29], значимости антропологии мыслителя в решении этических и психологических проблем, рассмотрению его сочинений как варианта когнитивной терапии [36]. Отдельно акцентировано внимание на работах, посвященных социально-политическим воззрениям философа на троне и их практическому воплощению [11], а также двойственности антропологических, этических воззрений Марка Аврелия в контексте его отношения к христианству [4].

Задействован значительный корпус источников, посвященных проблеме «Марк Аврелий и христианство»: отношение философа к христианам [1], император как «гонитель» христиан [31], христианская суть антропологии Марка Аврелия [16, 17], взаимное влияние

христианских и языческих установок в эпоху правления Марка Аврелия [24], мировоззрение мыслителя в контексте становления христианской апологетики [28].

Наконец, в орбиту исследования вовлечены взгляды раннехристианских авторов на мировоззрение Марка Аврелия и римский стоицизм в целом: образ императора в христианской исторической [10] и апологетической литературе II–III вв. [6, 7, 21, 30, 38], апологетика в Римской империи II столетия в контексте взаимоотношения язычников, иудеев и христиан [25], образ императора в раннехристианских текстах [26], а также в контексте христианизации Рима [33], проблема самоидентификации христиан в условиях языческо-христианского конфликта [35]. Исследование указанных выше источников, посвященных творчеству и мировоззрению философа на троне, приводит к выводу о различных, подчас полярных суждениях о Марке Аврелии: как о гонителе христиан, христианства и как о христианском философе. Эта проблема мировоззренческой двойственности актуальна и для современной науки.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили философско-антропологические сочинения Марка Аврелия, апостольские канонические Послания, труды авторов раннехристианской эпохи, а также современные работы, отечественные и зарубежные, посвященные творчеству и мировоззрению Марка Аврелия и в целом римских стоиков, связи позднего стоицизма с христианством. Методологическим базисом исследования выступил цивилизационный подход к истории, в сочетании с учетом диалектических связей как объективных условий развития социума. Применены философские и общенаучные методы: герменевтический, реализуемый в процессе авторского перевода и интерпретации иностранных текстов, аналитический, синтеза и обобщения. Использованы частнонаучные методы: реконструкции философских воззрений Марка Аврелия и раннехристианских авторов, сравнительно-исторический.

Результаты исследования

Мировоззрение яркого представителя римского стоицизма Марка Аврелия формировалось в сложную противоречивую эпоху, когда гонимая христианская церковь все более распространялась и утверждалась в римской ойкумене. Взаимоотношения философа-императора и раннего христианства были неоднозначны и драматичны. Парадоксально, но этого гонителя представители новой религии признавали великим и добрым. Подобный отзыв в целом характерен для раннехристианской апологетики, и объясняется он, по мнению П. Н. Лебедева, желанием христиан «преодолеть отчуждение между новой религией и Римом» [7, с. 18]. Действительно, второй век – время снижения апокалиптического накала в христианской среде. Поскольку история, вопреки ожиданиям, продолжалась, христианами была осознана потребность социализироваться.

Не отрицая того, что Марк Аврелий был важен в качестве адресата апологетических сочинений в контексте решения вопроса о самоидентификации христиан в Империи, мы все же полагаем, что есть более глубокие – антропологические – причины пиетета христиан по отношению к философу на троне. Нужно учесть специфику христианства первых веков, а именно, святая вера в наступление Царства Божия на земле – христиане этого времени видели свое призвание в активном его приближении. Образ жизни и нравственный облик общин –

яркое тому свидетельство. Слова Христа «Да придет Царствие Твое...на земле, как на небе» (Лк. 11: 2) воплотились в жизненное кредо: «Вера без дел мертва» (Иак. 2: 17). Последователи Христа воспринимали Марка Аврелия как своего по двум аспектам: социальному и этическому – как гражданина, устроителя Царства справедливости и как праведника. Не случайно символом кочующего по пространству Земли воплощения Града Небесного стал не Иерусалим, а город, пропитанный кровью христианских мучеников. Рим стал Римом первым не только благодаря живущим по завету Христа общинам, но и благодаря бессознательному проводнику Божественной воли в истории императору – гонителю.

Епископ Мелитон из Сард и Афинагор Афинский представляют Марка Аврелия как хорошего императора и человеколюбивого философа [6], для Тертуллиана он и вовсе покровитель христиан, не отменивший противохристианских эдиктов, но уничтоживший их последствия [9, 5. 6]. Однако хилиастический накал к четвертому веку ослабевает, и меняется отношение христианских историографов к императору. Августин Аврелий ставит философа на троне в один ряд с императорами-гонителями [1, IV, 18.52].

Сам Марк Аврелий не сочувствовал христианам, находил их фанатиками, склонными к аффектации; суеверами, лишенными философской глубины. Утверждение Э. Ренана о том, что Марк Аврелий, возможно, не знал имени Иисуса, сомнительно, поскольку этот же автор сообщает, что, питая неприязнь к христианству, император тем не менее приблизил к себе христиан в качестве служащих [15, с. 38]. Философ на троне не понял сути христианского мученичества: в «Размышлениях» («Наедине с собой») самопожертвование христиан он истолковывает как «слепое упорство» и «рисовку», противопоставляя ему стоическую готовность расстаться с жизнью на основе «собственного суждения ... рассудительности и серьезности» [10, XI, 3]. В отношении к христианам гражданственность и чувство ответственности за государство Марка Аврелия превзошли свойственные ему доброту и человечность, снисходительность к «заблуждающимся». Превыше всего он ставил долг защитника римских правил, традиций [15, с. 38]. Парадоксально, что лучший из императоров в преследовании христиан был движим заботой о моральном единстве Римского общества, его религиозной и политической крепости, в то время как терпимость к христианству его сына Коммода или императоров-сирийцев свидетельствовала лишь о религиозном и политическом индифферентизме последних.

Так что если Марк Аврелий и воспринимал идеи христиан, то неосознанно. Однако связь антропологических воззрений философа с христианством следует рассматривать с учетом колоссального влияния стоицизма на формирование христианской доктрины. Подобное влияние очевидно уже в I столетии. Тарс – родина апостола Павла – на протяжении веков был центром эллинистической философии, но особенно в этом кикийском городе процветал стоицизм. Как верно пишет E. V. Arnold, с середины II века, именно во время жизни Марка Аврелия, происходит массовое обращение стоиков в христианство, бывшие противники не только проявляют личную преданность церкви, но и вносят вклад в развитие доктрины, причем они присоединяются к церкви в значительной степени как учителя: «Stoics ... joined the church not simply as disciples, but to a large extent as teachers also» [18, с. 410]. Стоицизм, следовательно, стал частью христианского послания, а британский автор и вовсе определил его как корень христианства: «root of Christianity» [18, с. 410].

Итак, исследуя отражение христианских установок в антропологии Марка Аврелия, необходимо исходить из взаимного влияния (осознаваемого или нет) стоицизма и христианства.

Взгляды Марка Аврелия на человека детерминированы его теологическими воззрениями, которые колеблются между деизмом, политеизмом и космическим пантеизмом. И эта богословская неопределенность свидетельствует о конце античного мира и утверждении христианства. В том, что философ никогда не соглашался с собой относительно Бога и души, он уподоблялся первым апостолам, принявшим бездоказательно Воскресение Бога, по словам – не видевшие, но уверовавшие. В этом парадоксально проявилось «ближайшее единение с неведомым Богом» [15, с. 165]. Добавим, философу был присущ и конгениальный христианской теологии антропологический монотеизм, согласно которому Бог понимается как Живущий в душе человека и говорящий голосом *совести*, *со-ведающий* с человеком тайны его души: «Он (человек – О.П.) дружен с живущим внутри него Божеством, которое делает человека ... борцом ... со всеми страстями» [10, III, 4].

В духе христианского монотеизма мыслитель прямо говорит о Едином Боге, наполняющем Собой единый мир, свидетельствуют о Нем «единый общий закон и истина, единый разум во всех одухотворенных существах» [10, VII, 9]. По убеждению Марка Аврелия, человек трисоставен, представляет собой единство духа, души и тела, что согласуется с базовой установкой христианской антропологии (см.: 1 Кор. 15: 44). Стоическое различие души (*ψυχή*, *anima*) и духа (*πνεῦμα*, *spiritus*), которое воспроизводит Марк Аврелий, первично по отношению к христианской антропологии, во всяком случае, и ранние христиане, и стоики, включая философа на троне, полагают: душа – то, что роднит человека с животным, дух – с Богом. Различие в том, что в стоицизме более ярко выражен интеллектуальный акцент в трактовке духа, по сравнению с христианством. Но и ранние христиане, и Марк Аврелий считают: дух – та субстанция, которая объединяет человека с Богом (в этом контексте апостол Павел говорит об «общении духа» (Филипп. 2: 1)). Божество и человек, имея духовную природу, – партнеры, действующие во Вселенной. Так считает и Марк Аврелий: душевные качества (впечатления, стремления) присущи и скотам, духовные сопряжены с высшими добродетелями: любовью, способностью «не осквернять живущего в груди гения (высшее разумное начало. – О. П.), чистотой, согласием с богами, истиной и справедливостью» [10, III, 16]. Марка Аврелия роднит с ранним христианством пренебрежение к плоти, понимание тела как темницы духа. Параллели здесь очевидны. Апостол Павел: плоть с ее «страстями и похотями» (Гал. 5: 24) следует распять «ради облечения в нового человека, созданного по Богу» (Еф. 4: 24). Марк Аврелий: в земной жизни «дух и гений» пленены, служат «оболочке» – телу, которое есть «прах и тлен» [10, III, 3]. Относиться к телу следует с пренебрежением, «как если бы ты был при смерти» [10, II, 2].

В понимании пути человека философ на троне традиционно антиномичен: в жизни действует либо случай, либо слепой рок, либо действие благого Провидения. Последняя альтернатива, соответствующая христианскому провиденциальному миропониманию (жизнь есть взаимное действие благой воли Бога и свободной воли человека), доминирует в «Размышлениях» автора, прочитывается в аспектах нравственности, справедливости, истины: «Все ... происходит не только согласно определенному порядку (*κατά το εἶδος*), но и согласно справедливости (*κατά το δίκαιον*) ... Это же Божество ... есть первопричина всех истин» [10, IX, 1]. Подобная установка аутентична христианской максиме «Аз есмь путь, истина и жизнь» (Ин. 14: 6). И эта установка во всем полагаться на благоую волю Провидения – прямо христианская. Как пишет философ, путь человека – следовать этому благому промыслу. Кто не следует, боится или ропщет, тот «беглец» [10, X, 25]. Философу не чужда молитва, смысл которой – не изменять мир, но проявлять покорность мудрому Провидению: «Дай, что хочешь, и возьми,

что хочешь» (δόξο θέλεις, ἀπόλαβε ὁ θέλεις) [10, X, 14], – в этом проявляется дух Иисусовой молитвы: «Да будет воля Твоя» (Лк. 11: 2).

Исходя из принципа провиденциализма Марк Аврелий решает проблему теодицеи: божественная справедливость абсолютна, даже если непостижима человеком. Зло и страдания тоже часть справедливого божественного плана. Все, что происходит, «идет на пользу всему миру», частью которого является человек, поэтому все перипетии человеческой судьбы суть благо, так как «способствуют поддержанию мира» [10, II, 2]. Возмущение против мира бессмысленно и греховно. Данная установка детально совпадает с раннехристианской: Бог использует зло в Своих целях, так что в конечном итоге «все действуют во благо» (Рим. 8: 28).

Провиденциализм философа диалектически сочетается с центральной антропологической идеей христианства – утверждением внутренней духовной свободы, сопряженной с ответственностью: проявляя «заботливость к людям», боги «устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло» [10, II, 11]. Благом или злом следует считать только зависящее от нас, тогда «не будет никакой ... причины обвинять Бога или объявлять войну людям» [10, VI, 41].

В контексте благого божественного промысла философ трактует страдания: назначенные человеку «природой Целого», они «споспешествуют его судьбе» [10, V, 8]. Именно таков христианский взгляд на страдания, испытания – все человек должен принять, ибо все от Бога и все – во благо человека. Неосознанно философ воспроизводит христианскую аллегория: несчастья и испытания являются горькими лекарствами, дарующими выздоровление: «Многое нам не по вкусу, однако надежда на здоровье побуждает нас с радостью пойти на это» [10, V, 8]. Отвергающий ниспосланное разрушает миропорядок. Философ дает страдальцу христианское по сути утешение – Бог посылает человеку крест по его силам: «Ни с кем не случается ничего такого, чего он не в силах был бы вынести» [10, V, 18], если «страдание длительно, его можно стерпеть, если невыносимо, то смерть положит ему конец» [10, VII, 33].

Традиционно антиномичен мыслитель и в утверждении положения человека в Космосе: человек мал, жизнь его – краткий миг в истории мироздания [10, IV, 48]. Человек велик, его дух – высшее, что есть в мире, проекция души Целого [10, VI, 14, XII, 32] – здесь он воспроизводит христианскую антропологическую константу о человеке как образе и подобии Бога. Его трактовка жизненного пути человека конгениальна христианской, запечатленной в вечных евангельских образах: сочетание деятельного пути Марфы и созерцательного – Марии. С одной стороны, Марк Аврелий проповедует внешнюю активность, руководствуется христианским правилом жить днем сегодняшним. Для него ценен лишь краткий миг настоящего: «Каждый живет настоящим ничтожно малым моментом ... прошлое уже прожито, будущее покрыто неизвестностью» [10, III, 10]. Ценность каждому мигу настоящего придает дело, к которому призван человек, которое – ради блага всеобщего; исполнять его надо, «как достойно римлянина и мужа», с любовью к людям, серьезностью, «свободой и справедливостью, ... как последнее в своей жизни» [10, II, 5]. С другой стороны, как в созерцательной монашеской практике, для мыслителя первостепенное значение имеет внутреннее делание. Для него человек, сосредоточенный исключительно на внешнем, – «жалок», так как не понимает, что «для него вполне достаточно общения с внутренним гением, ... чтобы сберечь его» [10, II, 13]. Подобная установка более соответствует аскету – пустынножителю, а не последнему стоику. Его экзистенциальное самоуглубление, стремление к самопознанию зиждется на признании высшей ценности человеческого духа. В поиске уединения не во внешнем мире, а в собственной душе Марк Аврелий предвосхищает

Блаженного Августина. Вещи вообще не властны над душой, «изменение и движение в ней лишь от нее самой» [10, V, 19].

Этический кодекс Марка Аврелия детально совпадает с этическим кодексом апостольских Посланий. Святой Павел утверждает добродетели, вводящие в жизнь вечную, которые соответствуют в целом стоическим: «любовь, радость, мир, добросердечие, благая рассудительность» (2 Кор. 10: 1); «благость, милосердие, кротость, вера, воздержание» (Гал. 5: 22-23), «целомудрие, честность, миролюбие» (1 Тим. 3: 2-3). Мы видим, что Марк Аврелий исповедует те же добродетели: сердечность и незлобивость, скромность и мужественность, благочестие, щедрость и воздержание от дурных дел, суеверий и помыслов; нелюбовь к роскоши, выносливость в трудах, довольство малым, ответственность, невосприимчивость к клевете, аскетизм («влечение к простому ложу, звериной шкуре» [10, I, 6]), постоянная работа над духовным самоусовершенствованием, соотносящаяся с призывом Апостола Павла «возрастать в мужа совершенного, в меру полноты возраста Христова» (Еф. 4: 13); свобода от страстей [10, I, 9]; терпение: «Всегда остаюсь себе верным при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни» [10, I, 8] (хотя здесь больше проявляется стоическая *Αταραξία*); снисходительность и терпимость к «опрометчиво судящим» (τὸν ἀθεωρητὸς οἰόμενον) [10, I, 18]. Ему близка заповедь Христа не судить. Не питая иллюзий по поводу людей: «Будут делать то же самое, хотя бы ты разорвался на части» [10, VIII, 4], он при этом не осуждал и не гневался. Его кредо – не можешь удержать другого от зла, обвини себя. Одно из самых ценных и ценимых им качеств – евангельская простота: «Не мудри над собой, старайся быть простым» [10, IV, 26]. Простота Марка Аврелия проявилась и в отвращении к роскоши, славе. Главные добродетели, исповедуемые христианами, – вера, надежда, любовь – составляют ядро этики и мыслителя на троне: «Исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей» [10, I, 14]. Как и первоверховный апостол, философ на троне превыше всего ставит деятельную любовь к людям: «Люби людей, с которыми тебе суждено жить» [10, VI, 39]. Мыслитель исповедует евангельский по сути принцип – творить добро не ожидая награды, как лоза виноградная приносит свой плод и «ничего не добывается после этого» [10, V, 6], воспроизводит призыв Христа благодетельствовать, чтобы правая рука не знала, что делает левая. Философ неосознанно буквально следовал заповеди Спасителя любить врагов: «Когда ... люди порицают тебя, или ненавидят, ... относиться к ним следует с благожелательностью, ибо по природе они друзья тебе. Ведь и боги оказывают им всяческую поддержку» [10, IX, 27]. Эта аргументация буквально евангельская – Бог одинаково посылает дождь добрым и злым. Философ следует новозаветной максиме побеждать зло любовью: «Что сделает тебе разнузданный насильник, если ты останешься ... благожелательным к нему» [10, XI, 18]. В этих любви, кротости, долготерпении («событие, вызывающее печаль, не является несчастьем, счастьем является способность достойно перенести его» [10, IV, 49]), в смирении, неосуждении, простоте – уже не дух эллинизма, но дух Нагорной проповеди.

Как верно отмечает Э. Ренан, эти христианские по духу добродетели Марка Аврелия были врожденными, составляли его суть [15, с. 10]. Жизнь философа напоминала жизнь монаха: строгий распорядок дня, крайняя воздержанность, соблюдение чистоты, тяжелый каждодневный труд и лишения. Однако, когда зло было особенно активно, в Марке Аврелии просыпался философ-стоик, строящий свое самоубеждение на силлогизме. В абсолютной доброте и всепрощении Э. Ренан небезосновательно уловил нотку иронии, толику гордости. В целом неизменным спутником его антропологических воззрений была эллинистическая рассудочность. Как философ, он апеллирует, прежде всего, к своему гению – разуму.

Марку Аврелию особенно близка христианская добродетель ничем не омрачаемой радости. Даже если против человека ополчаются люди и природа, это не мешает душе сохранить «свой внутренний мир» [10, VII, 68] – здесь проявлен призыв Нагорной проповеди радоваться и веселиться, особенно в гонениях. К сожалению, в современной философии сложился неверный взгляд на Марка Аврелия как на пессимиста, мировоззрение которого детерминировано «слабостью, ничтожностью и ... надломленностью» [2, с. 181], а его философия – «чувствами беспомощности, отчаяния и безысходности» [8, с. 314]. Напротив, мы солидарны с С. Н. Кочеровым, что Марк Аврелий – оптимист, находящий немало причин для радости, а его философия – чуждая пессимизму «манифестация мужественного начала» [3, с. 566]. Но мы не можем согласиться с С. Н. Кочеровым в том, что следует противопоставлять оптимизм Марка Аврелия оптимизму христиан, якобы, «видящих в страданиях ... в этом мире надежду на блаженство в жизни вечной» [3, с. 568]. Радость, утверждающаяся лишь на предвкушении блаженств в будущем веке, не является христианской, ибо христианство утверждает веселье духа как естественное состояние человека, собственно, как и Марк Аврелий «радостное состояние духа» связывал «с человеческой природой» [3, с. 567]. Апостол Павел призывал: «Всегда радуйтесь» (1 Фес. 5: 16) – *всегда*, а не только ожидая блаженств жизни вечной. Главное, ранние христиане и философ, по сути, находили общие источники для радости: Марк Аврелий: «Делать то, что человеку свойственно, ... благожелательность к соплеменникам, небрежение к чувственным движениям ... созерцание всеобщей правды и того, что происходит в согласии с ней» [10, VIII, 26]. Христиане: деятельное служение и любовь к людям, борьба с похотью плоти, обретенная уже в земной жизни связь со Христом, которая важнее обещанных будущих благ.

Особую значимость для философа имели гражданские добродетели, и в этом также прослеживается связь с ранним христианством. Опыт бедствий иерусалимской церкви, иные социальные тенденции Римской империи I века привели христиан к идее активного социального служения. Последователи Святого Павла в строгой форме изложили свод инструкций социальной деятельности, и, как верно отмечает E. V. Arnold, это учение отражало стоические установки того периода: «This teaching follows closely the Stoic teaching of the same period» [18, с. 424], регламентировали взаимоотношения царя и подданного, господина и раба, мужа и жены, родителей и ребенка (Рим. 13: 1–9, Еф. 5: 6, Кол. 3: 18–25). По сути, Марк Аврелий руководствуется евангельской установкой – Царство Божие силою берется (Мф. 11: 12): «Добро и зло разумного и гражданственного существа не в испытываемом состоянии, а в деятельности» [10, IX, 16], «бездействие греховно» [10, IX, 5]. Философ на троне утверждал: будучи римским гражданином, человек одновременно является гражданином проводника божественного закона – высшего Града (прообраз Града Божьего Блаженного Августина).

Одна из главных тем «Размышлений» – тема смерти. Марк Аврелий выражает эпически-спокойное отношение к ней, опознавая ее как важную жизненную задачу, определяемую «надлежащим выполнением текущих дел» [10, VI, 2]. Философа мучит вопрос о посмертной участи человека. Важно то, что в конце своей многотрудной жизни он почти вплотную подходит к христианской идее личного бессмертия, воспринимая его отсутствие как космическую несообразность: «Как это случилось, что боги, устроившие все так прекрасно и с такой любовью к людям, просмотрели только ту несообразность, что люди вполне достойные ... после смерти не возрождаются к новой жизни» [10, XII, 5].

Не случайно Э. Ренан уподобил философа Христу, который «сам написал свое» [15, с. 33]. Уникальный бессистемный стиль «Размышлений» так близок святоотеческой проповеди,

неотрефлексированной, рождаемой по наитию свыше. Внутренние монологи мыслителя, проникнутые смирением, подобны христианской молитве; самопознание для него – богообщение. Его царствование было христианским по сути, ибо способствовало улучшению нравов. Французский автор справедливо назвал этого «гонителя» предвестником Константина Великого [15, с. 33]. Бессознательно Марк Аврелий реализовывал те цели, которые преследовало раннее христианство.

Обсуждение и заключения

В целом раннее христианство положительно относилось к античной философии. Проповедуя в Афинах, апостол Павел высоко оценивает не только жажду мудрости, но и набожность афинских стоиков и эпикурейцев. Более того, многих ранних христианских авторов с полным правом можно считать наследниками и продолжателями античной философии, трактующими эллинистические идеи в евангельском контексте: Антоний Великий, Евагрий Понтийский, Иоанн Лествичник, Климент Александрийский и другие. Император Марк Аврелий – один из ярких мыслителей, синтезировавших римский стоицизм с христианскими установками. Анализ антропологических воззрений Марка Аврелия, сформированных в результате взаимного влияния римского стоицизма и раннего христианства, показал иллюзорность, условность границы, отделяющей древне-языческую античность от христианского Средневековья. Парадоксальность императора-философа заключается в том, что, будучи гонителем христианства, он вместе с тем неосознанно утверждал онтологические, этико-аксиологические христианские установки. Для ранних христиан Марк Аврелий был «свой» и как гражданин – устроитель Царства справедливости, и как праведник. Центральными в его христианской по сути философии являются: идея антропологического монотеизма (Бог понимается как Живущий в душе человека и говорящий голосом совести); трисоставность, целостность и богоподобие человека (единство духа, души и тела), внутренняя духовная свобода. Кроме того, философ отстаивал основанные на христианском провиденциализме пути человека: жизнь понимается им как взаимодействие благой воли Бога и свободной воли человека и прочитывается в аспектах нравственности, справедливости, истинны. Христианскими по сути были и утверждаемые философом на троне этические константы, и необходимость деятельного гражданского служения. Данные мировоззренческие установки особенно актуальны в современную эпоху ценностной дезориентации.

Список использованных источников

1. Блаженный Августин. Творения: в 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. 742 с.
2. Гусейнов А., Иррлитц Г. Краткая история этики. Москва: Мысль, 1987. 589 с.
3. Кочеров С. Н. Стоический оптимизм Марка Аврелия // ΣΧΟΛΗ. 2016. № 10.2. С. 559-570.
4. Кранк Э. О. Марк Аврелий: формула вочеловечения // Культурология, искусствоведение и филология: от теории к практике: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2021. С. 57-70.
5. Лебедев П. Н. «Хорошие» и «плохие» римские императоры в раннехристианской апологетике II в. // Память и идентичность: особенности историописания в Античности,

- в Средние века и раннее Новое время: сборник статей по материалам межвузовской научной конференции / отв. редактор П. Н. Лебедев. Москва: РГГУ, 2019. С. 67-76.
6. Лебедев П. Н. «Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutes»: образ императора в христианской апологетической литературе II–III вв. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 10-1 (31). С. 31-39.
 7. Лебедев П. Н. Образ Марка Аврелия в раннехристианской литературе // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 16-24.
 8. Лосев А. Ф. Юбилейное собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Москва: Мысль, 2010. 703 с.
 9. Мазурин К. М. Тертуллиан и его творения. Москва: Университетская типография, 1892. 356 с.
 10. Марк Аврелий. Наедине с собой / пер. С. Роговин. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1914. 199 с.
 11. Пантелеев А. Д. Молниеносный легион: христианская легенда и реальность // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2007. № 3. С. 143-149.
 12. Пащак И. В. Марк Аврелий: этические, социальные и гражданственные аспекты учения // LXXI Международные научные чтения (памяти А. И. Ноткина): сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва: ЕФИР, 2020. С. 49-55.
 13. Преображенский П. Ранние отцы Церкви: Антология. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. 734 с.
 14. Прокопьев С. М. Возникновение христианской исторической мысли: Ориген Александрийский. Москва: МГУП, 2010. 175 с.
 15. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античности. Москва: Терра, 1991. 347 с.
 16. Alston L. Stoic and Christian in the Second Century: A Comparison of the Ethical Teaching of Marcus Aurelius with That of Contemporary and Antecedent Christianity. London: Longmans, Green and Co., 1906. 146 p.
 17. Anthony J. Guerra. The Conversion of Marcus Aurelius and Justin Martyr: The Purpose, Genre, and Content of the First Apology // Second Century. 1992. Vol. 9.3. Pp. 171-187.
 18. Arnold E. V. Roman stoicism. London: Cambridge university press, 1911. 468 p.
 19. Ball W. Rome in the East: The Transformation of an Empire. 2nd edition. London: Routledge, 2016. 594 p.
 20. Bowman John L. A Reference Guide to Stoicism. Bloomington, IN: Author House, 2014. 220 p.
 21. Buck P. L. Athenagoras's Embassy. A Literary Fiction // Harvard Theological Review. 1996. Vol. 89. Pp. 209-226.
 22. Burliga B. The emperor's old clothes: Marcus Aurelius' attitude towards the Christians again // Studia Elbląskie. 2011. Vol. 12. Pp. 149-168.
 23. Cook J. G. Roman Attitudes Toward the Christians: From Claudius to Hadrian. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 380 p.
 24. Dodds E. R. Pagan and Christian in an age of anxiety: some aspects of religious experience from Marcus Aurelius to Constantine. New York: Cambridge University Press, 1965. 144 p.
 25. Edwards M. Introduction: Apologetics in the Roman World // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman, S. Price. Oxford: Oxford University Press, 1999. 318 p.
 26. Gamble H. Y. Books and Readers in the Early Church: A History of Early Christian Texts. New Haven: Yale University Press, 1995. 337 p.
 27. Grant M. The Antonines: the Roman Empire in transition. London: Routledge, 2016. 252 p.
 28. Grant R. M. Five Apologists and Marcus Aurelius // Vigiliae Christianae. 1988. Vol. 42 (1). Pp. 1-17.

29. Holiday R., Hanselman S. Marcus Aurelius the Philosopher King. Lives of the Stoics. New York: Portfolio/Penguin, 2020. 352 p.
30. Kannaday W. C. Apologetic Discourse and the Scribal Tradition. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2004. 274 p.
31. Keresztes P. Marcus Aurelius a Persecutor? // Harvard Theological Review. 1968. Vol. 61 (3). Pp. 321-341.
32. Kovács P. Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden/Boston: Brill, 2009. 301 p.
33. MacMullen R. Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven; London: Yale University Press, 1984. 183 p.
34. Merrony M. The Plight of Rome in the Fifth Century AD. London: Routledge, 2017. 59 p.
35. Rhee H. Early Christian Literature: Christ and Culture in the Second and Third Centuries. The Apologies, Apocryphal Acts and Martyr Acts. London; New York: Routledge, 2005. 240 p.
36. Robertson D. How to Think Like a Roman Emperor: The Stoic Philosophy of Marcus Aurelius Archived 4 August 2019 at the Wayback Machine. New York: St. Martin's Press, 2019. 294 p.
37. Sage M. M. Eusebius and the Rain Miracle: Some Observations // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1987. Bd. 36, H. 1. Pp. 96-113.
38. Ulrich J. Apologists and apologetics in the second century // In Defence of Christianity: Early Christian Apologists / Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. P. 30.

References

1. Blazhennyj Avgustin. Creations: in 4 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, Aletejya Publ., Kyiv, UCIMM-Press Publ., 2000. 742 p. (In Russ.)
2. Gusejnov A., Irrlitc G. Brief history of ethics. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 589 p. (In Russ.)
3. Kocherov S. N. Stoic optimism of Marcus Aurelius. *ΣΧΟΛΗ*, 2016, no. 10.2, pp. 559-570. (In Russ.)
4. Krank E. O. Marcus Aurelius: the formula of incarnation. *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: ot teorii k praktike: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Cheboksary, CHuvashskij gosudarstvennyj institut kul'tury i iskusstv Ministerstva kul'tury, po delam nacional'nostej i arhivnogo dela CHuvashskoj Respubliki Publ., 2021. Pp. 57-70. (In Russ.)
5. Lebedev P. N. "Good" and "bad" Roman emperors in the early Christian apologetics of the 2nd century. *Pamyat' i identichnost': osobennosti istoriopisaniya v Antichnosti, v Srednie veka i rannee Novoe vremya: sbornik statej po materialam mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii / otv. redaktor P. N. Lebedev*. Moscow, RGGU Publ., 2019. Pp. 67-76. (In Russ.)
6. Lebedev P. N. "Noster est magis Caesar, a nostro deo constitutes": the image of the emperor in Christian apologetic literature of the 2nd–3rd centuries. *Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2017, no. 10-1 (31), pp. 31-39. (In Russ.)
7. Lebedev P. N. The Image of Marcus Aurelius in Early Christian Literature. *Vestnik RGGU. Seriya «Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»*, 2018, no. 10 (43), pp. 16-24. (In Russ.)
8. Losev A. F. Anniversary collected works: in 9 volumes. Vol. 9. Moscow, Mysl' Publ., 2010. 703 p. (In Russ.)
9. Mazurin K. M. Tertullian and his creations. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1892. 356 p. (In Russ.)

10. Mark Avrelij. Alone with yourself / trans. S. Rogovin. Moscow, M. i S. Sabashnikovy Publ., 1914. 199 p. (In Russ.)
11. Panteleev A. D. Lightning Legion: Christian legend and reality. *Vestnik SPbGU. Seriya 2: Istorija*, 2007, no. 3, pp. 143-149. (In Russ.)
12. Pashchak I. V. Mark Avrelij: ethical, social and civic aspects of teaching. *LXXI Mezhdunarodnye nauchnye chteniya (pamyati A. I. Notkina): sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Moscow, EFIR Publ., 2020. Pp. 49-55. (In Russ.)
13. Preobrazhenskij P. Early Church Fathers: An Anthology. Brussels, ZHizn' s Bogom Publ., 1988. 734 p. (In Russ.)
14. Prokop'ev S. M. The emergence of Christian historical thought: Origen of Alexandria. Moscow, MGUP Publ., 2010. 175 p. (In Russ.)
15. Renan E. Marcus Aurelius and the End of Antiquity. Moscow, Terra Publ., 1991. 347 p. (In Russ.)
16. Alston L. Stoic and Christian in the Second Century: A Comparison of the Ethical Teaching of Marcus Aurelius with That of Contemporary and Antecedent Christianity. London, Longmans, Green and Co., 1906. 146 p.
17. Anthony J. Guerra. The Conversion of Marcus Aurelius and Justin Martyr: The Purpose, Genre, and Content of the First Apology. *Second Century*, 1992, vol. 9.3, pp. 171-187.
18. Arnold E. V. Roman stoicism. London, Cambridge university press, 1911. 468 p.
19. Ball W. Rome in the East: The Transformation of an Empire. 2nd edition. London, Routledge, 2016. 594 p.
20. Bowman John L. A Reference Guide to Stoicism. Bloomington, IN, Author House, 2014. 220 p.
21. Buck P. L. Athenagoras's Embassy. A Literary Fiction. *Harvard Theological Review*, 1996, vol. 89, pp. 209-226.
22. Burliga B. The emperor's old clothes: Marcus Aurelius' attitude towards the Christians again. *Studia Elbląskie*, 2011, vol. 12, pp. 149-168.
23. Cook J. G. Roman Attitudes Toward the Christians: From Claudius to Hadrian. Tübingen, Mohr Siebeck, 2010. 380 p.
24. Dodds E. R. Pagan and Christian in an age of anxiety: some aspects of religious experience from Marcus Aurelius to Constantine. New York, Cambridge University Press, 1965. 144 p.
25. Edwards M. Introduction: Apologetics in the Roman World. *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians / Ed. by M. Edwards, M. Goodman, S. Price*. Oxford, Oxford University Press, 1999. 318 p.
26. Gamble H. Y. Books and Readers in the Early Church: A History of Early Christian Texts. New Haven, Yale University Press, 1995. 337 p.
27. Grant M. The Antonines: the Roman Empire in transition. London, Routledge, 2016. 252 p.
28. Grant R. M. Five Apologists and Marcus Aurelius. *Vigiliae Christianae*, 1988, vol. 42 (1), pp. 1-17.
29. Holiday R., Hanselman S. Marcus Aurelius the Philosopher King. *Lives of the Stoics*. New York, Portfolio/Penguin, 2020. 352 p.
30. Kannaday W. C. Apologetic Discourse and the Scribal Tradition. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2004. 274 p.
31. Keresztes P. Marcus Aurelius a Persecutor? *Harvard Theological Review*, 1968, vol. 61 (3), pp. 321-341.
32. Kovács P. Marcus Aurelius' Rain Miracle and the Marcomannic Wars. Leiden/Boston, Brill, 2009. 301 p.

33. MacMullen R. Christianizing the Roman Empire (A.D. 100–400). New Haven, London, Yale University Press, 1984. 183 p.
34. Merrony M. The Plight of Rome in the Fifth Century AD. London, Routledge, 2017. 59 p.
35. Rhee H. Early Christian Literature: Christ and Culture in the Second and Third Centuries. The Apologies, Apocryphal Acts and Martyr Acts. London, New York, Routledge, 2005. 240 p.
36. Robertson D. How to Think Like a Roman Emperor: The Stoic Philosophy of Marcus Aurelius Archived 4 August 2019 at the Wayback Machine. New York, St. Martin's Press, 2019. 294 p.
37. Sage M. M. Eusebius and the Rain Miracle: Some Observations. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1987, bd. 36, h. 1, pp. 96-113.
38. Ulrich J. Apologists and apologetics in the second century. *In Defence of Christianity: Early Christian Apologists* / Ed. by J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich. Frankfurt am Main, Peter Lang, 2014. P. 30.

© Парилов О. В., 2023

Информация об авторах

Парилов Олег Викторович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация; Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Information about the authors

Parilov Oleg V. – Doctor of Philosophical Science, Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation; Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9288-3194, olegparilov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 06.02.2023

Принята к публикации: 21.06.2023

Опубликована: 30.06.2023